

«ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ ВАНДЕИ» ИЛИ ЗАГОВОР ГЕРЦОГИНИ БЕРРИЙСКОЙ 1832 года

*Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).
E-mail: nata.tanshina@mail.ru*

Аннотация. События Вандейской войны 1793—1796 гг. глубоко изучены во французской историографии, однако по-прежнему являются для французских историков предметом серьезных не только научных, но и идеологических споров. Слово «Вандея» со временем стало именем нарицательным, превратившись в символ оппозиции Французской революции. Для самой Вандеи война стала системообразующим событием, и регион до сих пор живет воспоминаниями о ней, строя на ее основе собственную идентичность. В ходе «Ста дней» случилось «второе издание» Вандеи. Июльская революция 1830 г. и приход к власти короля Луи-Филиппа Орлеанского вновь превратили Вандею в ставку в политической игре. Это «третье издание» Вандеи (или пятая Вандейская война 24 мая — 12 июня 1832 г.), вошедшее в историю как заговор герцогини Беррийской 1832 г., находится в центре этой статьи. Неудачное и, по большому счету, обреченное на провал восстание в Вандее 1832 г. вошло в историю и приобрело романтический флер в значительной степени из-за участия в нем герцогини Беррийской, а ее личность благодаря эпосе с восстанием стала легендарной. В статье делается вывод, что главная причина поражения восстания 1832 г. заключалась в том, что Вандея была умиротворена Конкордатом, а точнее либеральной религиозной политикой, обеспечившей население свободой культа. Поэтому в 1832 г. крестьянство Вандеи не откликнулось на призыв герцогини Беррийской и легитимистов. Для самих же легитимистов поражение восстания имело важное значение: отныне они откажутся от всякой идеи заговора и будут делать ставку на парламентскую оппозицию.

Ключевые слова: Вандея, Вандейское восстание 1832 г., герцогиня М.-К. Беррийская, легитимизм, Июльская монархия, историческая память.

N. P. Tanshina

“The Third Edition of the Vendée” or the Conspiracy of the Duchess of Berry in 1832

*Natalia Tanshina, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the State academic university for the humanities, Moscow state pedagogical University.
E-mail: nata.tanshina@mail.ru*

Abstract. The events of the Vendée War of 1793–1796 are well studied in French historiography, but they are still a subject of serious scholarly and ideological disputes among French historians. The word «Vendée» eventually became a symbol of opposition to the French Revolution. For Vendée itself, the war became a system-forming event, and the region still lives with memories of it, creating its own identity based on it. During the “One Hundred Days” the “second edition” of Vendée happened. The July Revolution of 1830 and coming to power of King Louis-Philippe of Orleans turned the Vendée into a bet in a political game again. This «third edition» of the Vendée (or the fifth Vendée War, May 24 – June 12, 1832), which went down in history as the conspiracy of the Duchess of Berry (1832), is the focus of this article. Unsuccessful and, by and large, doomed to the failure uprising in the Vendée (1832) entered history and acquired romantic fleur largely due to Duchess of Berry’s participation in it, and she herself has become a legend due to the rebellion. The article concludes that the main reason for the defeat of the uprising of 1832 was that the Vendée was pacified by the Concordat, or, to be more precise, by a liberal religious policy, which provided the population with the freedom of worship. Therefore, in 1832, the peasantry of Vendée did not respond to the call of the Duchess of Berry and the Legitimists. For the Legitimists themselves, the defeat of the uprising was important: from now on they would abandon any idea of a conspiracy and rely on the parliamentary opposition.

Keywords: Vendée, the Vendean Uprising of 1832, the Duchess of Berry, legitimism, July monarchy, historical memory.

Слово «Вандея» со времен войны 1793–1796 гг. стало именем нарицательным, превратившись в символ оппозиции Французской революции. По словам крупного французского историка, известного специалиста по истории Вандеи Ж.-К. Мартена, Вандея может рассматриваться как неизменная антитеза Революции, сопровождающая все ее коммеморации, как настоящие, так и будущие¹. Для самой Вандеи война стала системообразующим событием, и регион по сию пору живет воспоминаниями о ней, строя на ее основе собственную идентичность, и в настоящее время имеет аутентичные черты событий, произошедших два века назад². Не случайно Ж.-К. Мартен называет войну в Вандее «неоконченной». Амбиции Вандеи на то, чтобы остаться в исторической памяти, обусловлены рядом причин. Война не завершилась в конце XVIII столетия: она длилась почти полвека и, следовательно, является самой большой и последней из французских гражданских войн, при этом самой разрушительной по количеству жертв³. Вандея не приняла режим Июльской монархии, создавала проблемы Наполеону III после его Римской экспедиции, выступила против торжествующей Третьей Республики, против Картеля левых, Народного фронта. Можно сказать, что регион до сих пор не сделал свой выбор между историей и легендой.

События Вандейской войны 1793–1796 гг. глубоко изучены во французской историографии, однако по-прежнему являются для французских историков предметом серьезных не только научных, но и идеологических споров. Прежде всего это касается дискуссий вокруг определения войны в Вандее как «франко-французского геноцида», как это событие именует французский историк Рейнальд Сеше, продолжая весьма давнюю историографическую традицию⁴. Полемика, разгоревшаяся среди ученых в 1985 г. во время защиты диссертации Р. Сеше под руководством П. Шоню, очень

¹ *Martin J.-C.* Une guerre interminable. La Vendée deux cents ans après. Paris, 1985, p. 8.

² *Gabory E.* Histoire des guerres de Vendée. 1793–1832. Paris, 2015, p. 9.

³ До сих пор вопрос о жертвах остается дискуссионным, и цифры приводятся разные, вплоть до 500–600 тыс. человек.

⁴ См. *Secher R.* Le Génocide franco-français: la Vendée – Vengé. Pref. de J. Meyer. Paris, 1986; *idem.* Vendée: du génocide au mémoricide. Paris, 2011.

быстро вышла за пределы научного сообщества, была подхвачена СМИ и публицистами⁵. Большинство историков не согласилось с подходом Сеше, ведь признать геноцид в Вандее — значит поставить под сомнение всю картину Французской революции, на которой строится политическая культура Третьей, Четвертой и Пятой Республик⁶. По словам Ж.-К. Мартена, спор по поводу геноцида — это один из последних эпизодов «гражданской историографической войны», будоражившей французов с 1814 г.⁷

В XIX в. случилось «второе издание» Вандеи, связанное с событиями «Ста дней», когда король Людовик XVIII, сам бежавший в Гент, попытался поднять крестьянство Вандеи против Наполеона. Роялистское движение в западных департаментах Франции, несмотря на его поражение, стало важным эпизодом истории «Ста дней». Оно привело к тому, что Наполеону пришлось дробить свои силы, и без того немногочисленные⁸. Однако повторения великой Вандеи не произошло. В свое время Наполеон, еще будучи первым консулом, сократил фискальный гнет, приказал снабжать регион сельскохозяйственными материалами, семенами и крупным рогатым скотом. В 1808 г., понимая, что Вандея еще не оправилась от войны, он установил регулярные компенсации жителям. Сначала эти меры распространялись на департамент Вандея, потом на Внутреннюю Луару и на Дё-Севр⁹. Но, главное, Вандея была умиротворена Конкордатом, а точнее либеральной религиозной политикой, обеспечившей населению свободу культа¹⁰.

Бурбоны, вернувшиеся к власти, также попытались умиротворить регион, несмотря на то, что вандейцы считали их неблагодарными. По мнению известного специалиста по истории Вандеи Эмиля Габори¹¹, это преувеличенный упрек: Бурбоны были вынуждены учитывать одновременно и заслуги, оказанные вандейцами, и славные дела старых солдат Империи, т.е. правительство Реставрации должно было быть справедливым по отношению и к тем, и к другим.

Для поддержки вдов, сирот, родителей погибших вандейцев в 1818 г. был создан специальный фонд, финансирувшийся из бюджета военного министерства. Изначально размер фонда составлял 250 тыс. фр., в 1827 г. он достиг 750 тыс., что являлось, однако, весьма скромным по сравнению с расходами двора в те же годы, составлявшими 790,4 тыс. фр. Эти деньги позволили предоставить пенсии и субсидии многим тысячам людей. К этому добавились пособия для обучения мальчиков и девочек¹². В соответствии с ордонансом от 26 июля 1821 г. старшие офицеры получали ежегодно 300 фр. помощи, капитаны — 200, младшие офицеры — 150, солдаты — 100¹³.

⁵ Об этой полемике см.: *Martin J.-C. La Vendée et la Révolution*. Paris, 2007, p. 61.

⁶ Из наиболее важных работ последних 20 лет, кроме названных книг Ж.-К. Мартена, см.: *Vandée dans l'Histoire. Actes du Colloque*. Paris, 1994; *Poisson Ph. La guerre de Vendée: L'amnésie de l'histoire de France*. Paris, 2016; *Brégeon J.-J., Guicheteau G. Nouvelle histoire des guerres de Vendée*. Paris, 2017; *Buisson P. La grande histoire des guerres de Vendée*. Paris, 2017. Из российской историографии по Вандее см.: *Летчфорд С. Е. «Вандея» — судьба одного понятия*. — Новая и новейшая история, Саратов, 2000, № 19, с. 37–43; *Мяжкова Е. М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на Западе Франции XVII–XVIII вв.* М., 2005.

⁷ *Martin J.-C. La Vendée et la Révolution*, p. 80.

⁸ См. об этом: *Летчфорд С. Е. Вандея в 1815 году*. — Французский ежегодник. 2003. М., 2003.

⁹ *Brégeon J.-J. La Duchesse de Berry*. Paris, 2009, p. 190.

¹⁰ *Gabory E. Napoléon et la Vendée*. — *Gabory E. Les guerres de Vendée*. Paris, 1989, p. 567–842. Впервые работа была опубликована в 1914 г.

¹¹ Э. Габори является автором множества работ по истории войн в Вандее, в том числе обобщающих книг, неоднократно переиздававшихся, например: *Gabory E. Les guerres de Vendée; edem. Histoire des guerres de Vendée. 1793–1832*.

¹² *Brégeon J.-J. Op. cit.*, p. 190.

¹³ *Secher R. Vendée: du génocide au mémoricide*, p. 238.

С 1814 г. многие вандейцы и лидеры шуанов, а также их сыновья оказались в королевской гвардии; для многих это означало интеграцию в придворное дворянство. Лидеры роялистов, такие как Луи Огюст Виктор де Бурмон¹⁴, Жозеф Кадудаль¹⁵, Огюст Ла Рошжаклен¹⁶, были введены в ближайшее окружение королевской семьи. По словам французского историка Ж.-Ж. Брежеона, это не Бурбоны показали себя неблагодарными по отношению к Вандее, а писатели-роялисты во главе с Ф.-Р. Шатобрианом были несправедливы по отношению к Бурбонам¹⁷.

Конечно, не все были удовлетворены и на всех не хватало денег. Помимо этого, по мнению Э. Габори, многие требования были чрезмерными. «Каждый хочет быть генералом, — писал современник, — даже те, кто никогда не воевал, требуют чинов, которых никогда не имели»¹⁸.

Кроме материальных компенсаций, Людовик XVIII проводил политику признания и благодарности по отношению к сохранившим верность королю вандейцам. Военная Вандея покрылась многочисленными памятниками. Их строительство финансировалось по подписке, но многое и на пожертвования королевской семьи, например колонна Людовика XVI в Нанте или статуя Ф.-А. Шаретта в Леже¹⁹.

Карл X продолжил политику своего брата. Пенсии, признанные недостаточными, были утроены²⁰. «Эмигрантский миллиард» 1825 г. также был доказательством того, что Бурбоны не хотели выглядеть неблагодарными по отношению к военной Вандее. В департаменте Вандея 321 землевладелец получил 15 205 413 фр.; в Марне-и-Луаре 205 землевладельцев получили 15 192 280 фр.; в Дё-Севр 9 252 771 фр. были распределены между 232 собственниками. К концу режима Реставрации со времени войны прошло более 30 лет; дома были отстроены заново и люди хотели мирной жизни²¹. Как говорил генерал Бейсе, командующий 39-м полком Национальной гвардии в Ренне, «смерть человека быстро забывается, тогда как воспоминание о сгоревшем доме будет беречь память многие годы»²². Р. Сеше полагает, однако, что если в материальном аспекте власти заботились о регионе, то с точки зрения исторической памяти они хотели

¹⁴ Личность маршала Луи Огюста Виктора де Бурмона (1773—1846) весьма показательна. В 15-летнем возрасте, накануне Революции, он был зачислен во французскую гвардию, через два года эмигрировал. Делал карьеру секретного агента, заговорщика и главы шуанов, в том числе под руководством Кадудалья; в годы Консульства стал двойным агентом на службе Фуше. В 1804 г. отправился в Португалию, в 1808 г. оказался в императорской армии, участвовал в войне с Россией, откуда вернулся бригадным генералом. Примкнул к Людовику XVIII, стал адъютантом маршала Нея, когда тот присоединился к Наполеону, сбежавшему с Эльбы. Во время «Ста дней» Бурмон продолжал колебаться между двумя партиями, но в итоге остался в императорской армии, командовал третьим дивизионом четвертого корпуса при Ватерлоо. Был свидетелем на процессе маршала Нея. В 1823 г. участвовал в экспедиции в Испанию; в 1830 г. командовал алжирской операцией Карла X, получил маршальский жезл. Человек храбрый, хороший тактик, при этом вечный интриган, служивший прежде всего своим интересам, а не интересам дела. Шатобриан составил его портрет в «Замогильных записках». Ленивый духом, любящий удовольствия и игру; он никогда никого не презирал, но был ко всем безразличен. — *Brégeon J.-J.* Op. cit., p. 209.

¹⁵ Младший брат героя Вандейской войны генерала шуанов Жоржа Кадудалья (1771—1804).

¹⁶ Огюст дю Вержье де Ла Рошжаклен (1784—1868), третий брат вандейского героя Анри дю Вержье, графа де Ла Рошжаклена, с 1818 г. полевой маршал.

¹⁷ *Brégeon J.-J.* Op. cit., p. 190—192.

¹⁸ *Gabory E.* Histoire des guerres de Vendée, p. 270—271.

¹⁹ См. об этом: *La Guerre de Vendée. Itinéraire de la Vendée militaire.* Paris, 1989.

²⁰ *Secher R.* Vendée: du génocide au mémoricide, p. 238.

²¹ *Gabory E.* Histoire des guerres de Vendée, p. 271.

²² *Secher R.* Vendée: du génocide au mémoricide, p. 239.

забыть о прошлом, исключить Вандею из национальной истории. По его словам, Людовик XVIII следовал политике *status quo*, определенной еще Наполеоном и выраженной в официальной формуле: «Король ничего не знает, король все забыл»²³.

Июльская революция 1830 г. и приход к власти короля Луи-Филиппа Орлеанского, представителя младшей ветви Бурбонов, вновь превратили Вандею в ставку в политической игре. 1830 год был ознаменован рождением легитимизма — политического движения сторонников династии Бурбонов. Легитимисты предприняли попытку вернуться к власти, подняв Вандею. Это «третье издание» Вандеи (или пятая Вандейская война 24 мая — 12 июня 1832 г.) вошло в историю как заговор герцогини Беррийской.

* * *

Марии-Каролине Неаполитанской, матери герцога Бордоского, внука Карла X, известного под именем Генриха V и графа Шамбора, принадлежала решающая роль в организации и проведении этого восстания. Неудачное и по большому счету обреченное на провал восстание в Вандее 1832 г. вошло в историю и приобрело романтический флер в значительной степени из-за участия в нем герцогини Беррийской. Сама личность герцогини благодаря эпосе с восстанием стала легендарной. Несмотря на его поражение и практически гротескный финал, герцогиня Беррийская привлекала и привлекает внимание исследователей²⁴. В последние годы появился ряд новых работ, посвященных невестке Карла X, и прежде всего ее роли в восстании 1832 г.²⁵ Ее образ, как правило, романтизируется, ее сравнивают с шотландской королевой Марией Стюарт, а перипетии ее авантюры описываются в духе романа Стефана Цвейга. Книги о герцогине Беррийской носят соответствующие названия. Например, классическая работа известного историка Ж. Лука-Дюбретона, вышедшая в серии «Трагические и мистические фигуры в истории», называется «Увлекающаяся принцесса»²⁶. Из работ, посвященных непосредственно восстанию 1832 г., можно назвать книгу специалиста по истории легитимизма Хьюго Шанжи «Восстание герцогини Беррийской», а также один из семи томов работы о Вандее Эмиля Габори²⁷.

Мария-Каролина Бурбон — дочь короля Франциска I Неаполитанского, супруга герцога Беррийского, младшего сына Карла X, племянница Марии-Амелии, супруги Луи-Филиппа Орлеанского, взошедшего на престол в ходе Июльской революции 1830 г. Невысокая, метр пятьдесят, но хорошо сложенная; со светло-голубыми, немного раскосыми глазами (злые языки утверждали, будто у нее один глаз смотрит на запад, другой — на восток), с очень светлыми волосами, большим ртом, красивыми руками. Умная, с хорошо развитым воображением. Но в ней было больше чувственности, нежели рассудительности, хотя Орлеаны говорили о «расторопности бедняжки Каролины». Она увлечена романами Вальтера Скотта; любит интригу, но доверчивая. Очень щедрая, она тратит без счета; про нее говорили, что она умрет на паперти. В целом же на нее смотрели как на большого ребенка, жертву страстей, нервную девушку, дитя неуравновешенных родителей.

²³ Ibid., p. 236.

²⁴ Из источников см.: *Mémoires de Madame la duchesse de Gontaut*. Paris, 1909; *Madame la Duchesse de Berry*. Paris, 1832; *Dumas A. Mes Mémoires, 1830–1833*. Paris, 1989; *Chateaubriand F.-R. de. Mémoire sur la captivité de la duchesse de Berry*. Paris, 2009.

²⁵ Помимо уже упоминавшейся работы Ж.-Ж. Брежеона см.: *Dupland E. Marie-Caroline duchesse de Berry*. Paris, 1996; *Rouchette T. La Folle Equipée de la Duchesse de Berry*. Paris, 2004; *Hillierin L. La Duchesse de Berry. L'oiseau rebelle des Bourbons*. Paris, 2010.

²⁶ *Lucas-Dubreton J. La Princesse captive. La Duchesse de Berry. 1832–1838*, 2 ed. Paris, 1925.

²⁷ *Changy H. de. Le Soulèvement de la duchesse de Berry, 1832*. Paris, 1986.

Марии-Каролине было 22 года, когда ее муж, герцог Беррийский, 13 февраля 1820 г., выходя из оперы, был смертельно ранен шорником Луи Лувелем. После выражения своего горя так, как это умеют делать итальянки, она обрела хладнокровие и продемонстрировала неординарную силу характера. Пьер Берье, один из лидеров легитимистов, сказал о ней: «В голове этой героической принцессы поместятся 20 королей»²⁸. В сентябре следующего года, когда родился сын Генрих, герцог Бордоский²⁹, она стойко выдержала клевету, распространяемую сторонниками младшей ветви династии. Оба этих события, гибель мужа и рождение ребенка, сделали ее самой популярной в королевской семье. Она притягивала к себе людей, в отличие от бессильного короля Людовика XVIII, его брата, графа д'Артуа, купавшегося в своем величии и формировавшего вокруг себя маленький кружок конспираторов, герцогини Марии-Терезии Ангулемской, «сироты Тампля», дочери казненных Людовика XVI и Марии-Антуанетты и супруги старшего сына графа д'Артуа, холодность которой отталкивала от нее даже самых страстных ее сторонников. Мария-Каролина была матерью «чудесного ребенка»³⁰, на него возлагали надежды легитимисты; ее сравнивали с Девой Марией, общественное мнение создало вокруг нее ореол славы. Не чувствуя себя уютно в Тюильри, с трудом вынося придворный этикет, она собрала свой двор, окружив себя молодыми и жизнерадостными людьми: кутюрье, художниками, владельцами модных бутиков; покровительствовала моде и театру. Еще она любила балы, устраиваемые в Пале-Рояль ее тетей Марией-Амелией Орлеанской. Каждое лето ездила в Нормандию, в Дьепп, привлекая своей простотой местных жителей. Она совершала морские прогулки, предпочитая плохую погоду. Лошади, бездорожье — все это соответствовало ее бурному темпераменту.

В 1828 г. она совершила путешествие в Вандею, куда Бурбоны направились с целью загладить свой грех перед жителями департамента. Однако цель не была достигнута: принцы, посетив Вандею, не обрели там популярности, а тень недоверия так и осталась на челе династии³¹. Из всех вояжей только один имел результат — путешествие герцогини Беррийской³². Удивительно, что оно подействовало не столько на население, сколько на саму путешественницу. 20 июня 1828 г. принцесса прибыла в Сомюр, на завтра была в Анжере, потом отправилась в Бретань, посетила Нант. Именно тогда у нее появилось ощущение, что вандейцы готовы, как и в 1793 г., с оружием в руках защищать дело Бурбонов. Окруженная толпой и опьяненная энтузиазмом жителей и возгласами «Ура!», она в ответ кричала: «Мои друзья, если новые бури вновь потрясут нашу прекрасную родину, это среди вас я буду искать убежища!». Она поверила, что увидела воспрянувшую духом Вандею, не заметив, что люди, с которыми она встречалась, были стариками. Она слышала шум канонады и мушкетов, воинственные речи, но не понимала, что все это было по большому счету парадными декорациями³³. Для нее Вандея 1828 г. ассоциировалась с Вандеей 1793 г., а ее политическую эволюцию она признавать отказывалась.

Прошло два года. В июле 1830 г. в Париже разразилась революция. Когда двор Карла X, собравшийся в Сен-Клу, был охвачен паникой, именно она, маленькая женщина, пыталась сопротивляться. Историографы приписывают ей слова, которые она

²⁸ Gabory E. Histoire des guerres de Vendée, p. 277.

²⁹ Это был ее второй ребенок; у супругов уже была дочь.

³⁰ О герцоге Бордоском, графе Шамборе см.: *Poisson G. Le comte de Chambord*. Henri V. Paris, 2009.

³¹ Gabory E. Histoire des guerres de Vendée, p. 271.

³² О путешествии герцогини см.: *Gabory E. Les Bourbons et la Vendée*. — *Gabory E. Les guerres de Vendée*, p. 845–1067. Впервые работа была опубликована в 1923 г.

³³ *Gabory E. Histoire des guerres de Vendée*, p. 274.

якобы произнесла, падая на колени перед королем: «О, какое это несчастье, быть женщиной!»³⁴. Она потребовала у Карла X разрешения идти в Вандею; тот ответил отказом, заявив, что не согласится отправить туда своего внука при подобных обстоятельствах. Как писала мемуаристка эпохи мадам Адель де Буань, такой поступок мог бы поставить короля в затруднительное положение³⁵. Действительно, что бы произошло, если бы герцогиня Беррийская исполнила свое желание направиться в Вандею? Поражение 1832 г. ответило на этот вопрос.

В результате король отказался от престола в пользу сына Марии-Каролины, своего внука, герцога Бордоского, при регентстве Луи-Филиппа Орлеанского. Как отмечал французский исследователь Ж.-Ж. Брежеон, Луи-Филипп и прежде не испытывал особой симпатии к племяннице своей супруги, полагая, что у нее была «сумасшедшая и пустая голова». Ее сына, своего конкурента, он воспринимал как ребенка со слабым здоровьем, малообразованного. Уже потом Луи-Филипп отмечал: «Случись у него малейшая колика, меня бы заподозрили в том, что я его хотел отравить. И если бы он умер, меня бы в этом обвинили»³⁶.

7 августа Палата депутатов провозгласила Луи-Филиппа королем французов, а тот, как известно, скрыл условия отречения. Семья Карла X отправилась в Англию. Венценосные изгнанники укрылись в Шотландии, близ Эдинбурга, бывшего местобитания королей. По иронии судьбы, здесь, в замке Холируд, Карл X, тогда еще граф д'Артуа, уже жил во времена первой эмиграции. Холируд представлял собой средневековую крепость, хранившую воспоминания о драмах Стюартов и основательно перестроенную после пожара, учиненного здесь войсками Оливера Кромвеля. Изгнанникам даже показали комнату, где 9 марта 1565 г. произошло убийство фаворита Марии Стюарт Давида Риччо. Принцессе Беррийской, рожденной под солнцем Неаполя, климат Эдинбурга показался слишком суровым; под именем графини де Рони она устроилась в курортном Бате. Конечно, ей хотелось быть как можно ближе к французскому берегу и как можно дальше от подозрительного короля-свекра.

Во Франции в это время начинает оформляться легитимистское движение. Однако поначалу сторонники Карла X заняли позицию непризнания новой власти, и по стране прокатилась волна отставок. 53 депутата, верных Карлу X, получили отставку из-за отказа принести присягу Луи-Филиппу. Пэры, назначенные Карлом X, были лишены своих постов в силу действующего закона; другие потеряли свои посты, отказавшись принести присягу³⁷. Осталось только десять прежних пэров, объединившихся вокруг Фиц-Джеймса и Дрё-Брезе. Наибольшее число отставок было на Западе, на Юге практически все государственные служащие сохранили свои посты³⁸. Как отмечал французский исследователь легитимизма Стефан Риаль, чистка, проводившаяся по распоряжению тогдашнего министра внутренних дел Ф. Гизо, была самой массовой за столетие, вплоть до 1877—1879 гг. Из 86 префектов только 3 остались на своих местах, из 277 супрефектов — только 33. 74 генеральных прокурора и генеральных адвоката и 254 королевских прокурора были уволены; 65 командующих батальонами или подразделениями из 75 были заменены. Только финансовая администрация по техническим причинам была сохранена. Последствия этого кризиса для легитимистов были весьма ощутимыми³⁹.

³⁴ Ibid., p. 276.

³⁵ Мадам де Буань оставила свои наблюдения об этих событиях: *Boigne A. Mémoires de la comtesse de Boigne*, t. 2. Paris, 2005, p. 350—468.

³⁶ *Brégeon J.-J.* Op. cit., p. 170.

³⁷ Среди них Л. де Бональд, Л. О. В. де Бурмон, герцог А. Ф. де Кар, Ф.-Р. де Шатобриан, архиепископ Парижский Г. Л. де Куэлен. — *Rials S. Le Légitimisme*. Paris, 1983, p. 9.

³⁸ *Зелдин Т.* Франция, 1848—1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004, p. 341.

³⁹ *Rials S.* Op. cit., p. 10.

Однако весьма быстро под влиянием графа Фердинанда де Бертье, сына интенданта Парижа, которого толпа линчевала в июле 1789 г., начинают формироваться нелегальные роялистские структуры⁴⁰. Как и многие другие роялисты, Бертье отказался присягать Луи-Филиппу, удалился в свое имение и прекратил государственную деятельность. Однако уже в начале сентября он стал инициатором объединения 30 своих друзей с целью содействия третьей реставрации Бурбонов. В это же время он установил переписку с Карлом X и герцогиней Беррийской. Карл X назначил его организатором легитимистских сил во Франции⁴¹. Переписка Бертье является весьма ценным источником, показывающим, что восстание 1832 г. было не просто авантюрой взбалмошной герцогини, а являлось продуманной, подготовленной операцией, в которой были задействованы серьезные силы и ресурсы, а также делалась ставка на иностранные державы.

Лидеры организации, сформировав в Париже Центральный совет, ставили перед собой важнейшую задачу: подготовить в нужном духе общественное мнение и склонить его в пользу восстановления старшей ветви Бурбонов. Эта задача решалась благодаря легитимистской прессе, газетам «La Quotidienne» и «La Gazette de France». Однако Бертье особенно настаивал на активных действиях с целью ниспровержения режима Луи-Филиппа, не дожидаясь, пока он окрепнет. Он считал, что надо действовать без промедления, а со стороны принцев нужны энергичные и ясные действия, способные увлечь сторонников.

25 сентября 1830 г. Бертье представил Карлу X обстоятельный «Рапорт о возможностях и средствах Реставрации». Отмечая, что во Франции существовали весьма сильные настроения в пользу прихода к власти Генриха V, он сообщал о расколе в роялистском лагере. Если одни настаивали на немедленных действиях, то другие советовали занять выжидательную позицию, полагая, что общественное мнение еще не было готово к возвращению легитимной династии. Сторонники этой тактики считали, что надо подождать, когда во Франции начнутся социально-экономические проблемы, и тогда роялисты смогут завоевать большинство и легко восстановят трон Бурбонов. Сам Бертье, не занимая ни одну из этих позиций, полагал, что надо действовать, исходя из обстоятельств, и, не теряя драгоценного времени, активно заниматься подготовкой восстания, чтобы при первой благоприятной возможности перейти к действию. Бертье был уверен, что легитимисты могли набрать армию в размере 150 тыс. человек, из которых 60 тыс. под командованием маршала Бурмона должны были совершить марш на Париж. По мнению Бертье, южные и особенно западные департаменты были готовы к восстанию, однако, утверждал он, ничего не получится без помощи иностранных держав: России, Австрии, Пруссии, Нидерландов, Испании, Португалии, Неаполя, которые должны были оказать поддержку деньгами и оружием. Что касается их непосредственного вмешательства во внутренние дела Франции, то, как считал Бертье, оно не должно вызвать обвинений в том, что Генрих V возвращается во Францию на штыках интервентов, как это было в 1814 и 1815 гг. Он полагал, что Карл X должен был направить к дворам великих держав своих дипломатических представителей⁴².

⁴⁰ Bertier F. de. Souvenirs inédits d'un conspirateur royaliste sous la Revolution, l'Empire et la premiere Restauration 1799–1815. Paris, 1990. О взглядах и деятельности Ф. Бертье можно судить по его переписке с Карлом X и герцогиней Беррийской, опубликованной в 1950 г. Бертье де Совиньи под названием «Заговор легитимистов и герцогиня Беррийская против Луи-Филиппа. 1830–1832. (Переписка и неизданные документы)». В своем семейном архиве историк обнаружил 40 писем, которыми обменялись герцогиня Беррийская и Бертье между 1830 и 1832 г.: La conspiration des légitimistes et de la duchesse de Berry contre Louis-Philippe. 1830–1832 (Correspondances et documents inédits). — Études d'histoire moderne et contemporaine / publiées par la Société d'histoire moderne, t. 3. Paris, 1950.

⁴¹ La conspiration des légitimistes..., p. IX–X.

⁴² Ibid., p. 6–11.

Какие методы действий предлагал Бертье? Он выделял три направления: переговоры с палатой пэров и палатой депутатов; подготовка и проведение восстания внутри страны; иностранное вмешательство в дела Франции. По его мнению, в обеих палатах существовали сильные настроения в пользу герцога Бордоского; удачные переговоры могли бы привести к формированию партии в поддержку его признания. Что касается восстания, то, полагал Бертье, западные департаменты поднимутся, как только король со своей армией окажется на Луаре. По его словам, несмотря на то что ситуация в регионе была сложной в силу того, что правительство заменило руководящий состав армии, жители были недовольны политикой Луи-Филиппа и имели на руках оружие. Бертье полагал, что легитимисты могли рассчитывать на восемь департаментов. При этом лидеры движения, такие как А. де Шаретт⁴³ и О. де Ла Рошжаклен, должны были оставаться на местах, дабы своим авторитетом укреплять моральный дух населения. Главой предприятия должен быть маршал Бурмон. Однако нужно было приобрести 15–20 тыс. ружей, пороха, а также обеспечить армию артиллерией. На это требовалось 15–20 млн фр., без помощи заграницы было не обойтись⁴⁴.

Действия департаментов Юга, по мнению Бертье, можно было воспринимать только как отвлекающий маневр по причине их удаленности от столицы, а также в силу того, что между ними и Парижем располагались территории, на жителей которых вряд ли можно было рассчитывать. Но можно было найти много сторонников в департаментах Вар, части Нижних Альп, Воклюзе и других – всего в 16 департаментах. Также, по мнению Бертье, можно было рассчитывать на города: Экс, Марсель, Тулон, Арль, Тараскон, Авиньон, Ним, Монпелье, Тулузу, Байону и др. Что касается западных департаментов, то первые операции должны были произойти в Нанте, Анжере и Сомюре; вслед за ними – в Вандее, Бретани и Мэне. В Нанте должно быть установлено Временное правительство⁴⁵.

Внешнее вмешательство в события во Франции Бертье воспринимал как неизбежное. По его словам, европейские монархи не могли спокойно смотреть на ниспровержение легитимного порядка во Франции, поскольку если они не начнут военные действия против Франции, то будут атакованы сами. Бертье полагал, что война могла начаться весной 1831 г. Иностранные войска обязательно должны занять Париж. В своем манифесте союзные державы должны объявить, что они ведут войну против революции, а не против Франции и что они гарантируют ее территориальную целостность. Строгая дисциплина, уважение к правам человека и собственности, дружественные переговоры со всеми территориями, где развевается белый флаг, – таковы гарантии успеха. При этом восстания в роялистских департаментах должны произойти одновременно с внешним вмешательством и даже несколько ему предшествовать⁴⁶.

В тот же день, 25 сентября, Бертье написал письмо герцогине Беррийской, в котором заверил ее, что большинство французов были за возвращение Генриха на трон своих предков, но чтобы совершить эту «заветную революцию», необходимо политическое искусство при ее подготовке, а также сила и храбрость в момент действия. Он дал понять, что события развивались с огромной скоростью, нельзя было терять время и что роялисты Запада рассчитывали на поддержку Мадам и, более того, надеялись увидеть ее во главе движения. Без этого они ничего не могли предпринять⁴⁷. 4 октября

⁴³ Атанас де Шаретт де ля Контри (1796–1848), племянник знаменитого вандейского руководителя, пэр Франции.

⁴⁴ *La conspiration des légitimistes...*, p. 11–13.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 11–14.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 14–15.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 3.

1830 г. (письмо помечено 4 сентября) герцогиня в ответном письме сообщала, что она готова возглавить движение и что храбрость и сила ей никогда не изменяли⁴⁸.

15 ноября 1830 г. Бертье снова пишет герцогине, настаивая на активизации взаимодействия с иностранными монархами, особенно с императором Николаем I: «Я считаю, что император Николай I по своему опыту, своим личным предпочтениям, по политическому и территориальному положению (России. — Н. Т.), должен начать движение с целью восстановления легитимного режима во Франции». Он советовал герцогине наладить контакты с А. Ф. Матушевичем, поверенным в делах России в Великобритании, заменявшим в это время князя Х. А. Ливена, а также с генералом А. И. Дибичем (направленным Николаем в Вену для зондирования почвы). Дибич, по мнению Бертье, мог бы возглавить командование союзными армиями⁴⁹.

С одобрения Карла X оставшуюся половину года Бертье посвятил подготовке проекта. Он создал «Общество друзей порядка», его целью было объединение лидеров легитимистов. В общество входили виконт Ф.-Р. де Шатобриан, маршал Виктор, маркиз де Пасторе, Ла Тур-Мобур, герцог Фиц-Джеймс, Гид де Нёвиль, адвокат П. А. Берье⁵⁰. Помимо этого Бертье создал «Общество друзей верности» для сбора средств, а также общество «Друзья легитимности», вокруг которого объединялись сторонники легитимистов, готовые примкнуть к движению.

Переписка Бертье с двором осенью-зимой 1830–1831 гг. показывает, что он настаивал на скорейших действиях. 16 ноября он писал герцогине: «Прошло более четырех месяцев со времени свержения трона и до сих пор ничего не произошло»⁵¹.

Что в это время происходило в Вандее? «Три славных дня» не произвели большого впечатления на регион, он остался спокойным, хотя некоторые лидеры легитимистов, в том числе Бертье, были убеждены, что вандейцы с энтузиазмом откликнутся на призыв Бурбонов⁵². В то же время после Июльской революции социальная обстановка на Западе была нестабильной. Увеличилось количество небольших банд, обосновавшихся на окраинах населенных пунктов, а также объединившихся в маленькие группы дезертиров. Они могли пойти как по пути разбоя, так и по пути сотрудничества с легитимистами. Однако в целом эти банды наследников великой Шуанерии были слабыми, не имели серьезного вооружения и политического руководства. На второе полугодие 1830 г. число таких бандитов в шести департаментах, восприимчивых к легитимистским идеям, не превышало 600 человек⁵³.

Однако в декабре 1830 г. правительство объявило об увеличении военного набора: в Вандее — с 613 до 915 человек, в Морбиане — с 872 до 1150, что было весьма ощутимо. Помимо этого, было принято решение отправить в регион две инспекции с целью проверки его состояния и увеличения присутствия армии в беспокойных департаментах. Первую инспекцию проводил Александр Дюма, находившийся в Мэн-ан-Луаре, Внутренней Луаре и Вандее с середины августа до 22 сентября⁵⁴. В мемуарах Дюма больше вспоминал о живописном путешествии и любовных приключениях. Однако его главный вывод таков: Вандея 1830 г. не является больше Вандеей 1792 г. Он сообщал

⁴⁸ Ibid., p. 16.

⁴⁹ Ibid., p. 17.

⁵⁰ Пьер Антуан Берье, сын адвоката, прославившегося защитой маршала Нея в 1815 г., сам адвокат, стал известным прежде всего благодаря своему яркому ораторскому таланту. Уже при жизни его называли одним из самых великих французских ораторов после Мирабо. На протяжении 38 лет, с 1830 по 1868 г., возглавлял значительную группу легитимистов в парламенте.

⁵¹ La conspiration des légitimistes..., p. 37.

⁵² Desforges M. Les guerres de Vendée. Paris, 1999, p. 139.

⁵³ Brégeon J.-J. Op. cit., p. 193–195.

⁵⁴ Dumas A. Mes Memoires 1830–1833.

генералу Лафайету, командующему Национальной гвардией, что надо развивать новый класс, посредника между дворянами и «испольщиками», класс собственников национальных благ. По его мнению, присутствие этого слоя размоет традиционное политическое разделение и станет основой для верности новой династии⁵⁵. Для всего остального Дюма советовал создать хорошую дорожную сеть, что открыло бы этот беспокойный мир идеям прогресса. Это предложение будет использовано при Июльской монархии, развернувшей активное железнодорожное строительство.

Вторую инспекцию проводил генерал Жан-Максимильен Ламарк, ветеран войн Революции и Империи, умиротворявший Вандею в 1815 г. В своем рапорте он призывал к умеренной политике с уважением прав местного населения. Он писал: «Повсюду я слышу одни и те же слова: “Оставьте в покое нас и наших священников; не налагайте на нас новые налоги; не принуждайте нас любить правительство, и мы не предпримем никаких выпадов против него...”». Не надо бередить их раны, надо ограничиться наблюдением над ними и не подвергать их преследованиям. Вандея — это болезнь, и надо попытаться вылечить ее успокоительными средствами»⁵⁶. Однако далеко не все подчиненные Ламарка разделяли такие взгляды. Он оставался на своем посту на Западе до апреля 1831 г.⁵⁷

Тем временем 27 января 1831 г. Карл X подписал «Эдинбургский акт», по которому признавал регентство Генриха V с того самого момента, как герцогиня Беррийская вернется во Францию с целью реставрации власти Бурбонов. Герцог Пьер Луи Жан Казимир де Блака был назначен президентом регентского совета и премьер-министром. С 1831 г. Франция была разделена легитимистами на военные округа.

Дата восстания неоднократно переносилась. Сначала оно было назначено на март 1831 г. Однако планы легитимистов были сорваны властями. После событий 14–15 февраля в церкви Сен-Жермен-л’Осеруа⁵⁸ правительство отдало приказ арестовать Бертье и других легитимистов, а также перехватило бумаги легитимистов в Бретани. Бертье избежал ареста, отправился в Бельгию и оттуда в Англию. 15 марта он был в Баффе у герцогини Беррийской, где находились герцог Блака и маршал Бурмон. Они составили нечто вроде триумвирата, регулярно заседавшего под руководством Марии-Каролины. Поначалу возобладали тактика молниеносных действий, которые должны были начаться после высадки принцессы на средиземноморском побережье. Бурмон должен был заниматься военной стороной, Блака — дипломатической, Бертье возобновил контакты с тайными организациями во Франции и попытался установить единое руководство ими. Была разработана настоящая программа переустройства Франции со следующими разделами: армия, аристократия, палата пэров, администрация, колонии, амнистия⁵⁹. На бумаге это был не только план восстания (а на бумаге все выглядело очень убедительно, вся страна охвачена сетью, зашифрованные имена, как у настоящих заговорщиков, цифры, всевозможные данные), а план переустройства общества. В начале мая Бертье вернулся в Лондон, чтобы там ждать начала операции, теперь запланированной на конец мая — начало июня 1831 г.

Главным спонсором операции был знаменитый банкир Габриэль Уввар, финансист Наполеона, тесть маркиза Рошешуара. Герцогиня выставила на продажу свои

⁵⁵ Цит. по: *Brégeon J.-J.* Op. cit., p. 195–196.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 196–197.

⁵⁷ Умер Ламарк от холеры, и его похороны превратились в республиканскую манифестацию.

⁵⁸ 13 февраля 1831 г. в церкви Сен-Жермен-л’Осеруа проходила церемония, посвященная 11-й годовщине убийства герцога Беррийского. Сторонниками режима Луи-Филиппа она была воспринята как провокация. Начались погромы и беспорядки, проходившие в последующие два дня.

⁵⁹ *La conspiration des légitimistes...*, p. 66–69.

драгоценности и коллекцию картин. У португальского короля она получила займ в 40 тыс. фр. Король Сардинии, Карл-Альберт, Вильгельм IV Голландский, герцог Брауншвейгский и другие монархи также оказали ей помощь. Но герцогиня рассчитывала не только на денежную помощь европейских монархов. Она надеялась, что, как только она окажется на территории Вандеи, испанцы пересекут Пиренеи, Австрия, Пруссия и Россия перейдут Рейн и сметут режим Луи-Филиппа⁶⁰.

Только 17 июня 1831 г. герцогиня Беррийская покинула Экосс и должна была направиться в сторону Ниццы, где ее ожидали другие заговорщики. Но в Ниццу она не прибыла; пытаясь запутать агентов Луи-Филиппа, она высадилась в Роттердаме, пересекла Южную Германию и достигла Генуи, где взяла имя герцогини Саганы. Однако французским властям было хорошо известно о ее перемещениях. Тем временем Бертье, обескураженный, что восстание не начинается, временно отходит от дел; руководство переходит к Бурмону. Сомнения в лагере легитимистов усиливались. Их главный орган «*La Gazette de France*» к концу 1831 г. отказалась от тактики насильственных действий. Тех, кто колебался, прозвали «панкалье» (*pancaliers*), от вандейского названия сорта капусты без сердцевины⁶¹.

Таяли и надежды на помощь заграницы. Бертье писал герцогине: «Все то, что я узнал от членов дипломатического корпуса в Париже, не вселяет оптимизма... Они хотят надеяться, что нынешнее правительство сможет остановить революционный пыл, они его воспринимают как единственно возможное во Франции... и полагают, что нация поддержит его в случае враждебных действий»⁶².

Сами вандейцы тоже были не готовы к восстанию. 24 сентября 1831 г. в Вандее, в замке Ла Фетельер, состоялось собрание, на котором выступил Огюст де Шаретт, сообщивший о высадке принцессы. Многие вандейские лидеры во главе с Альфонсом де Гуленом заявили, что они не готовы действовать и что надо подождать.

Если в январе 1831 г. Бертье рассчитывал на 60 тыс. человек, то спустя некоторое время речь шла уже о 25 тыс. добровольцев. Но это не убавило оптимизма. Графиня А. де Ла Рошжаклен писала, что в первый день, может быть, только треть решится на восстание; после успехов две трети населения будут готовы взяться за оружие; на третий день, если новости будут благоприятными, поднимется все население⁶³. 30 августа 1831 г. герцогиня Беррийская сообщала Бертье о словах графини Ла Рошжаклен, что Вандея готова к восстанию и промедление смерти подобно⁶⁴.

Как видим, легитимисты рассчитывали на эффект «снежного кома» и натиск. Они надеялись, что армия, пусть и реорганизованная Луи-Филиппом и очищенная от карлистских офицеров, перестроится, когда придет время, как и высшая администрация, префекты и жандармерия. Такая манера мыслить характерна для заговорщиков всех времен. Конспираторы принимают желаемое за действительное, не думая о трудностях и рассчитывая исключительно на кинетическую энергию своего предприятия и помощь высших сил.

Конечно, неправильно утверждать, что легитимисты жили исключительно иллюзиями. Сторонники старшей ветви Бурбонов начали возвращаться в Париж. В крупных городах, например в Лилле, Бордо, Лиможе, Тулузе, Нанте, Руане, действовали легитимистские фракции, часто обладавшие народной поддержкой. В Лиможе легитимисты могли рассчитывать на среду фарфорщиков, в Бордо — на коммерсантов и судовладельцев, связанных с колониальной торговлей. В Лионе и Лилле можно

⁶⁰ См. об этом: *La Duchesse de Berry et les monarchies européennes*. Paris, 1913.

⁶¹ *Rials S.* Op. cit., p. 12.

⁶² *La conspiration des légitimistes...*, p. 87.

⁶³ *Brégeon J.-J.* Op. cit., p. 206.

⁶⁴ *La conspiration des légitimistes...*, p. 79.

было надеяться на ассоциации взаимопомощи, созданные местной аристократией. В Лионе легитимистское движение существовало в виде respectable умеренного консерватизма, готового сотрудничать с любым правительством, поддерживающим общественный порядок. Однако главным оплотом легитимизма были малые города, названные Бальзаком «маленькими провинциальными Сен-Жерменскими предместьями».

На средиземноморском Юге и в Лангедоке тоже были сторонники Генриха V, и этот карлизм встречался как в деревнях, так и в городах. Английский исследователь Т. Зелдин называет легитимизм южных областей, живших своей застарелой враждой, реакционным или контрреволюционным⁶⁵. Марсель в этом плане можно считать образцовым легитимистским городом, поскольку там легитимизм объединял как простой народ, так и негодяев, промышленников и судовладельцев. Но эти легитимисты были сторонниками законного пути, а не заговора. В 1834 г. в Марселе было избрано 17 депутатов-легитимистов⁶⁶. Именно от этого округа Берье постоянно выдвигался в парламент, где отстаивал либеральную интерпретацию роялизма.

Однако в целом, как отмечал Ж.-Ж. Брежеон, «легитимисты имели душу заговорщиков». Это было следствием длительной исторической традиции, восходившей корнями ко временам Фронды, потом Революции, борьбы с Наполеоном. Для большинства из них политика являлась делом чести, неизменно сопряженной с секретными организациями, заговорами, вооруженными восстаниями, таковым был и роялистский заговор, вошедший в историю как «заговор улицы Прувер». «Замысел романтический; все, как в XVI столетии, в эпоху Борджиа, флорентийских Медичи и Медичи парижских — все, за исключением людей», — как отзывался о нем Шатобриан⁶⁷. Заговорщики хотели захватить Тюильри в момент карнавала, в ночь с 1 на 2 февраля 1832 г. Предполагалось, что после ужина близ церкви Святого Евстахия и рынка, покончив с винами, заговорщики проникнут в галерею Лувра и, проследовав в полночь между двумя рядами шедевров, заколют злодея-узурпатора прямо на балу. Ужин состоялся; однако полиции было заблаговременно известно об этом мероприятии. Во время провозглашения тостов в зал ворвались полицейские и арестовали всех заговорщиков.

Разоблачив «заговор на улице Прувер», правительство пришло к выводу, что карлисты больше делали ставку на терроризм, чем на гражданскую войну. Однако в целях предосторожности на Запад было направлено более 40 тыс. солдат. В Вандее, в которой до июля 1830 г. насчитывалось всего 570 солдат и 23 офицера, через десять месяцев было 1892 солдата и 98 офицеров. Гарнизоны были рассредоточены в 13 пунктах. С согласия местной администрации они размещались в пустующих домах. На 1 октября 1832 г. там было сосредоточено 4700 военных, не считая жандармерию и местную Национальную гвардию. Войска должны были успокоить местность. К началу 1832 г. Луи-Филипп уже не так опасался сторонников Генриха V, как республиканцев, и особенно холеры⁶⁸.

7 февраля 1832 г. центральный парижский легитимистский комитет был преобразован во Временное правительство герцогини Беррийской во главе с маршалом Бурмоном. Хотя, скорее, это было не правительство, а сообщество приближенных карлистов, которое не сыграет особой роли в дальнейших событиях, поскольку военные лидеры на местах, комитеты в департаментах почти всегда будут игнорировать решения этого органа, предпочитая принимать приказы непосредственно от самой герцогини⁶⁹.

⁶⁵ Зелдин Т. Указ. соч., с. 342.

⁶⁶ Brégeon J.-J. Op. cit., p. 186—187.

⁶⁷ Шатобриан Ф.-П. де. Замогильные записки. М., 1995, с. 464.

⁶⁸ Brégeon J.-J. Op. cit., p. 198.

⁶⁹ Ibid., p. 203.

Большинство из состава Временного правительства были членами легитимистской фракции в палате депутатов и палате пэров. Они присягнули Луи-Филиппу, оказавшись в умеренной и легальной оппозиции. Особо в этом кругу выделялся Берье, один из редких неаристократов (или, как пишет Брежеон, плебеев), объединившихся вокруг Мадам. В целом их группа разделилась между двумя системами, как это объяснял Бертье. Еще в мае 1831 г. он писал герцогине Беррийской: «В роялистской партии есть такое же разделение, как и в революционной (т.е. правящей орлеанистской. — Н. Т.) партии: партии движения и сопротивления, или... партия спонтанного действия и больших жертв с надеждой на полную и прочную реставрацию, и партия ожидания, доверия и содействия благоприятным переменам, реставрация с как можно меньшими жертвами»⁷⁰.

Между тем в окружении герцогини было много противников этой авантюры, начиная с герцога де Блака, последовательно боровшегося против этого проекта⁷¹.

О том, что ситуация изменилась и Вандея не готова подняться, предупреждал герцогиню и Шатобриан, включенный ею в состав Временного правительства. В ответ на записку, в которой герцогиня сообщала ему об этом назначении, он написал: «Западные и южные департаменты, чье терпение, как нарочно, истощено произволом и насилием, хранят тот верноподданнический дух, который отличал их издревле. Но эта половина Франции никогда не пойдет на заговор в узком смысле слова; они — просто воины запаса. Это превосходный резерв легитимизма, но на роль авангарда они решительно не подходят и никогда не добьются успеха в наступательном бою. Цивилизация ушла слишком далеко вперед, чтобы в наши дни могла разразиться одна из тех грандиозных междоусобных войн, что несли с собой избавление и пагубу в эпохи более набожные, но менее просвещенные»⁷².

По его словам, даже самые убежденные легитимисты и самые пылкие крестьяне не были готовы действовать: «Сорок лет невзгод сломили даже самые мужественные души; равнодушие и эгоизм владеют едва ли не всеми умами; всякий хочет затаиться, дабы уберечься от опасности, сохранить накопленное, прозябать в покое... Если бы Генрих V мог перенестись в Тюильри, никого не потревожив, никому не помешав, не ущемив ничьих интересов, Реставрация была бы не за горами; но если ради воцарения Генриха потребуются не спать хотя бы одну ночь, я не поручусь за благополучный исход дела». Шатобриан советовал герцогине Беррийской воспитывать принца Генриха в современном духе и ждать, пока «гнилой» режим Июльской монархии рухнет сам собой⁷³.

Шатобриан был прав: несмотря на все старания легитимистов и ошибки, допущенные некоторыми сторонниками Луи-Филиппа, организовавшими антирелигиозные манифестации и совершавшими акты вандализма (разбивали кресты, статуи и памятные монументы), моральный климат в Вандее после Июльской революции не особенно изменился. Даже если отдельные священники и отказывались присягать

⁷⁰ La conspiration des légitimistes..., p. 73. По мнению Т. Зелдина, легитимисты были разделены даже не на две, а на три группы, каждая из которых отстаивала свой путь реставрации монархии. Существовала группа сторонников насильственных действий, преемников шуанов времен Революции во главе с герцогом де Каром. Во-вторых, существовала легитимистская фракция в парламенте, убежденная в том, что монархию можно восстановить законным путем, участвуя в выборах, лидером которой был Берье. Кроме того, выделялось левое крыло, «народный легитимизм», тактика которого заключалась в перехвате инициативы у левых и восстановлении монархии путем референдума. Их лидер — аббат Женуд, редактор «La Gazette de France». — Зелдин Т. Указ. соч., с. 339–341.

⁷¹ Gabory E. Histoire des guerres de Vendée, p. 280.

⁷² Шатобриан Ф.-Р. де. Указ. соч., с. 465.

⁷³ Там же, с. 466–467.

новому режиму, вандейцы, обессиленные предыдущими конфликтами, не хотели воевать. Старики почти все умерли. А рапорты легитимистских агентов, в которых герцогине сообщалось, что у «узурпатора» Луи-Филиппа нет будущего, не соответствовали действительности.

25 марта 1832 г. в Массе у герцогини Беррийской состоялось решающее заседание. Бертье выступил против идеи восстания, полагая, что был упущен подходящий момент. Другие советники принцессы, Бурмон, Кергорлай⁷⁴, Сен-Прие, наоборот, подержали идею восстания. Эта позиция возобладала.

Герцогиня все еще надеялась на помощь заграницы. Она отправила своих представителей к европейским монархам: в Португалию к дону Мигелю — Симона Дётца⁷⁵; в Россию — Альфреде де Дама, младшего брата воспитателя герцога Бордоского, а также маркиза Л.-В. де Рошешуара, племянника и приемного сына герцога А.-Э. Ришельё⁷⁶.

* * *

Урегулировав формальности, герцогиня выправила паспорт для отбытия во Францию, направилась в Ливорно и там, переодетая в неаполитанского моряка, села на борт рыбацкого судна «Карло-Альберто» в компании своих помощников во главе с маршалом Бурмоном. Вечером 24 апреля 1832 г. они высадились на одном из пляжей Марселя, рассчитывая на триумфальный марш, подобно Наполеону. Герцогине обещали 2 тыс. солдат и победу над войсками Луи-Филиппа. Однако неожиданно она получила записку: «Все потеряно, необходимо покинуть Францию». Население Марселя, плохо подготовленное, не откликнулось на призыв к восстанию, а за «Карлом-Альбертом» был отправлен в погоню фрегат «Государство».

Возвращение по морю отрезано; бежать по суше невозможно. Идти в Вандею? Но было ясно, что она могла подняться только после Юга, а Юг активности не проявлял. Однако Мария-Каролина решила идти в Вандею. Началась самая настоящая авантюра герцогини Беррийской с бесконечными переездами, ночлегами на заброшенных фермах, переодеванием в костюм мальчика⁷⁷ — чем не романы Вальтера Скотта!

План был таков: в ночь с 23 на 24 мая вся страна должна была восстать. Предполагалось захватить общественные кассы, реквизировать лошадей, увлечь колеблющихся. Бурмон хотел захватить Ла Рошель, Нант и Анжер; он писал Шаретту: «Если мы это сделаем в первые 10–14 дней, если на правом берегу (Луары. — Н. Т.) мы станем хозяевами Ванна, Ренна и Понторсона, то мы будем в состоянии обороняться против 100 тыс. человек. Тогда мы предпримем марш на Париж»⁷⁸. Однако оказалось, что этот план — иллюзорный, как и сама идея восстания. К герцогине был направлен Бертье, чтобы своим красноречием склонить ее к отказу от этой затеи. Даже большинство ее сторонников было убеждено: восстание приведет Вандею к гибели. Так думал

⁷⁴ Граф Луи-Флориан-Поль де Кергорлай, бывший депутат Уазы и пэр Франции, был в Брюсселе во время свержения Карла X. Потребовал организовать над собой суд палаты пэров. Его процесс проходил с 22 по 24 ноября 1830 г. и закончился присуждением штрафа в 500 фр. и 6 месяцев тюрьмы.

⁷⁵ С. Дётц — крещеный еврей, который в самый последний момент восстания предаст Марию-Каролину, точнее, продаст правительству Луи-Филиппа за 500 тыс. фр. — *Lucas-Dubreton J.* Op. cit., p. 36. В 1835 г. он опубликует книгу об аресте герцогини Беррийской: *Deutz S.* Arrestation de Madam. Paris, 1835.

⁷⁶ *Rochechouart L. V. L. de.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1892, p. 516–536. См.: *Таньшина Н. П.* Секретный вояж в Россию племянника дюка Ришельё. — *Родина*, 2019, № 4, с. 106–109.

⁷⁷ Ее звали «малыш Пьер», а вскоре у нее появился друг «малыш Поль», девушка-компаньонка.

⁷⁸ *Gabory E.* Histoire des guerres de Vendée, p. 284–285.

и маршал Бурмон, считая, что надо отложить восстание. 17 мая герцогиня прибыла в Вандеу, а 22 мая Бурмон, находившийся в Нанте, отдал контрприказ: «Задержите на несколько дней исполнение полученных вами приказов относительно 24 мая; ничего не предпринимайте до получения новых приказов, сохраняйте полную боеготовность!»⁷⁹. Новая дата восстания была назначена на 4 июня.

23 мая герцогиня узнала об этом контрприказе и уже готова была отказаться от своей идеи, как вдруг получила письмо, в котором сообщалось, что Юг восстал. Она решила остаться. Историки до сих пор спорят, было ли это письмо и если было, то кто был его автором?⁸⁰ Однако 24 мая, как было запланировано изначально, началось восстание, обреченное на поражение, длившееся до 12 июня. Дело в том, что из-за плохо налаженной системы коммуникаций далеко не все руководители получили контрприказ. В Дё-Севр многие приходы в ночь с 23 на 24 мая подняли белое знамя.

Уже 25 мая руководители трех корпусов вандейцев объявили Шаретту о своей отставке, дезорганизовав таким образом легитимистскую армию Нижнего Пуату. Д'Отишан, командующий восставшими на левом берегу Луары, и Клуэ, его коллега на правом берегу, 26 мая составили меморандум, в котором заявили об отказе от участия в восстании, ссылаясь на устарелость ружей и нехватку пороха. Они заявили, что, когда на Западе окажутся правительственные войска и начнутся военные действия, боеприпасы закончатся уже ко второй неделе⁸¹.

Правительство тем временем проявило бдительность. 3 июня было объявлено о введении осадного положения в департаменте бывшей военной Вандеи; она была наводнена солдатами. Однако герцогиня продолжала пребывать в иллюзиях. Берье предостерегал ее об опасностях; он ее просил о встрече в Ла Рошели, убеждая, что если она не прислушается к доводам разума, ее ожидает смерть или неволя в тюрьме Луи-Филиппа. Об этом же ей писал Шатобриан, однако герцогиня отказывалась подчиниться, повторяя: «Я хочу исправить ошибки Бурбонов по отношению к Вандее. Я остаюсь»⁸².

Между тем крестьяне отказывались сражаться. Если Внутренняя Луара не проявила особого энтузиазма, то еще меньше пыла продемонстрировала сама Вандея. Герцогиня решила ждать лучших времен и отказалась покинуть Запад, надеясь, что крестьяне, дворяне, клерикалы, все эти бретонцы и вандейцы, пока не ответившие на ее призыв, вскоре возьмутся за оружие. В течение двух недель она пряталась на разных фермах в окрестностях Нанта, а с 14 июня в течение почти четырех месяцев укрывалась в небольшой гостинице в Нанте. Именно там 7 ноября она и была арестована.

15 ноября герцогиню интернировали в замок Блай, в Жиронду. Новость о ее заключении вызвала большую дискуссию в обществе. В палату депутатов поступило множество петиций. В одних требовалось, чтобы герцогиня как частное лицо отвечала по строгости закона за стремление нарушить общественный порядок. В других петициях раздавались призывы руководствоваться законом о ссылке, принятом в 1830 г. в отношении старшей ветви Бурбонов. Этой позиции придерживались и правительство, желавшее выслать герцогиню за рубеж, однако левые депутаты настаивали на судебном процессе⁸³. Шатобриан активно выступил в защиту герцогини; он пытался добиться разрешения навестить ее в тюрьме, однако ему было отказано. Потом он написал герцогине письмо, в котором предлагал выступить ее защитником и назначить

⁷⁹ Desforges M. Op. cit., p. 141–142.

⁸⁰ Gabory E. Histoire des guerres de Vendée, p. 289.

⁸¹ Desforges M. Op. cit., p. 142, 143.

⁸² Gabory E. Histoire des guerres de Vendée, p. 291–292.

⁸³ См.: Игнатченко И. В. Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2017, с. 144–148.

совет, состоящий из него и предложенных им помощников⁸⁴. Однако в этом ему тоже было отказано, и тогда он опубликовал брошюру под названием «Записка о пленении госпожи герцогини Беррийской». Шатобриан настаивал, что герцогиня всего лишь защищала легитимные интересы своего сына: «Как мать, Мадам должна была исполнить свой долг. Она могла повторить слова Марии-Антуанетты, сказанные ею перед трибуналом: “Я призываю всех матерей в свидетели!”. Какая мать откажется защищать права своего сына? Какая мать не сделает все, чтобы его спасти? Какая мать не готова пожертвовать своим спокойствием и своей жизнью, особенно если этого ребенка лишили отца?». Шатобриан подчеркивал правомочность действий герцогини, которая лишь защищала принципы легитимизма: «Вы не можете требовать, чтобы мать Генриха V признала ваше правительство легитимным, чтобы она признала, что вы правильно сделали, отобрав корону у ее сына»⁸⁵.

Шатобриан весьма аргументированно оправдывал действия герцогини Беррийской, ведя воображаемый диалог с «адвокатом враждебной партии», т.е. с представителем орлеанистской власти. Он выступал против обвинений в адрес Марии-Каролины в том, что она развязала гражданскую войну. По его словам, война была порождением «выборной монархии, а не монархии наследственной». Иными словами, восстание в Вандее явилось следствием нелегитимной Июльской революции, а в Вандее «больше крови пролилось до, нежели после прибытия туда принцессы». Герцогиня, по словам Шатобриана, вовсе не призывала к гражданской войне, она действовала как регентша, исходя из права суверенитета и Хартии 1814 г., в то время как Луи-Филипп, не веривший в Хартию 1814 г., поднял войска в силу Хартии 1830 г.: «Вы не признаете Хартию 1814 г., Мадам не признает Хартию 1830 г.» Действия герцогини Шатобриан интерпретировал как «мятеж против мятежа»⁸⁶.

В целом это работа не только о герцогине Беррийской, но о легитимизме как таковом: «Говорят, что легитимизм — это устаревшая догма, в которую никто не верит, что это система, не приспособленная к духу и нравам своего времени. Говорят, что страсти в обществе успокоились и что не стоит больше потрясать государство подобными химерами, что невозможно вернуться к прошлому, что требование власти для старшей ветви Бурбонов не соответствует ни развитию человеческого разума, ни нашему веку, что не следует бросаться в романтическую авантюру, которая больше не воодушевляет позитивистские умы». Отсюда Шатобриан сделал вывод: если легитимизм — это анахронизм, то «зачем говорить о трибунале, процессе и преследовании? Не судят роман и идею»⁸⁷.

Каков же итог рассуждений Шатобриана? «Компетентный трибунал для матери Генриха V — это Франция, Европа и будущее. Только перед этим судом она может заявить о причинах, побудивших ее прийти на поля Вандеи». И заканчивает патетически: «Прославленная узница замка Блай! Пусть же ваше героическое присутствие на земле, знающей, что такое героизм, подвигнет всю Францию повторить вам то, что мне позволяет сказать моя политическая независимость: “Сударыня, ваш сын — мой король!”»⁸⁸. На эту брошюру 9 января 1833 г. был наложен арест, а поскольку некоторые газеты повторили фразу «Сударыня, ваш сын — мой король», чем навлекли на себя судебные преследования, Шатобриан тоже оказался среди обвиняемых.

Однако во время пребывания герцогини в тюрьме разразился скандал: выяснилось, что она ожидала ребенка. 26 февраля в «Le Moniteur universel» была опубликована

⁸⁴ Шатобриан Ф.-Р. де. Указ. соч., с. 487.

⁸⁵ Chateaubriand F.-R. de. Op. cit., p. 42, 38.

⁸⁶ Ibid., p. 38, 40.

⁸⁷ Ibid., p. 47–48.

⁸⁸ Ibid., p. 55, 83.

декларация герцогини от 22 февраля, сообщающая о том, что в Италии она тайно вышла замуж за графа Эктора Луккези-Палли, и это его ребенок. Эти слова были встречены с большим сомнением. Роялисты, ничего не знаящие о ее беременности, уже несколько недель опровергали слухи об этом, а Карл X этому вовсе не поверил.

Шатобриан особенно настаивал, что именно по этой причине герцогиня должна была быть немедленно освобождена: «И эта женщина, которая совершила столько подвигов, героически укрывалась в Вандее, жила на ферме, пряталась в замках и т.д., она станет матерью в тюрьме? Какое преступление!»⁸⁹. Однако, несмотря на то что для правительства Мария-Каролина теперь не представляла опасности, превратившись из вдовствующей принцессы в итальянскую графиню, из тюрьмы она была освобождена только после того, как 10 мая 1833 г. родила девочку, Анну-Марию-Розалию⁹⁰.

* * *

Было ли поражение восстания неизбежным или у него были шансы на успех? Авторы, утверждавшие последнее, в Вандее не жили. Так полагал, например, Луи Блан в пятом томе своей «Истории десяти лет». Об этом писали участники восстания Дермонкур и Шаретт, стремясь придать важности своим действиям. Эти же идеи развивались в работе Неттомана «Мемуары герцогини Беррийской». Остальные современники писали об обреченности на поражение⁹¹.

Сами участники часто говорили о второстепенных причинах поражения: экспедиция была плохо подготовлена; ошибкой было выбрать Юг для начала восстания, как и неверной была ставка на то, что Вандея должна была подняться только после Марселя; что все испортил контрприказ Бурмона, разрушивший единство сил, позволивший правительственным войскам собраться и негативно повлиявший на моральный дух. Однако, по мнению Э. Габори, Бурмон отдал этот приказ, понимая, что сил было недостаточно⁹².

Главная причина поражения была в другом: Конкордат убил военную Вандею. Как справедливо писал Габори, «великого рычага восстания 1793 г., религиозного фактора, больше не было, культ был свободным»⁹³. Уже в 1815 г. духовенство сохраняло нейтралитет в конфликте. То же самое произошло и в 1832 г. Те, кто пытался поднять Вандею, глубоко ошибались, полагая, что крестьяне Запада возьмут в руки оружие для защиты монархического принципа, ведь в 1793 г. они защищали трон только для того, чтобы восстановить алтарь. А наследник Карла X или король Луи-Филипп — крестьянам было не так и важно.

В результате поражение герцогини было тотальным. В 1832 г. лишь небольшая часть дворян примкнула к восстанию, понимая, что «великий комбатант» военной Вандеи, крестьянин, отказывается брать в руки оружие. Да и сами дворяне изменились за 30 лет мира, они приняли режим Луи-Филиппа. Кроме того, произошел раскол в самом дворянстве. Огюст де Ла Рошжаклен не разделял экзальтированности своей жены. Генрих, его племянник, сын генералиссимуса 1815 г., не верил в успех восстания. Он заявил, что после отречения Карла X Вандея была невозможна. К разделению старинных семей добавилось соперничество лидеров⁹⁴. В итоге героический огонь великой борьбы не воодушевлял больше ни дворян, ни крестьян, а крестьянки прятали своих сыновей и мужей.

Основной характеристикой войны в Вандее 1793–1796 гг. была ее спонтанность, сторонники же герцогини Беррийской забыли об этой истине. И они забыли о другом:

⁸⁹ Ibid., p. 49.

⁹⁰ Девочка умерла в младенчестве, но от этого брака родились еще три девочки и мальчик.

⁹¹ Gabory E. Les Bourbons et la Vendée. — Gabory E. Les guerres de Vendée, p. 1029.

⁹² Ibid., p. 1030.

⁹³ Gabory E. Histoire des guerres de Vendée, p. 299.

⁹⁴ Gabory E. Les Bourbons et la Vendée, p. 1031–1032.

они ничего не могли сделать без английской помощи. В этот раз Великобритания отказала Вандее. В России миссия Рошешуара тоже оказалась безрезультатной, а император Николай I занял выжидательную позицию, что было равнозначно отказу. В итоге, изменили все: духовенство, дворянство, крестьяне, заграница. В этом была главная причина поражения.

Авантюра герцогини Беррийской в целом не повлияла на политический климат Июльской монархии. Более того, если бы Мария-Каролина не отправилась в Вандею, регион мог бы стать серьезной опасностью для Луи-Филиппа. В то же время и после поражения легитимисты не сдавались. По мере приближения совершеннолетия Генриха V (29 сентября 1833 г.) их интриги усиливались. Карлисты отправились в паломничество в Прагу, каждый западный департамент делегировал своих представителей, однако 23 сентября они были задержаны в Страсбурге. После смерти Карла X (6 ноября 1836 г.) правительство приняло меры предосторожности, опасаясь возможных инцидентов, но везде царило спокойствие. Супрефект Шатобриана писал: «Смерть Карла X была встречена с большим безразличием сторонниками свергнутой династии»⁹⁵. В это самое время в одной из газет появилось письмо, или, скорее, статья, за подписью «Мария-Каролина». Об этом в своем очерке от 24 ноября 1836 г. сообщила хроникер эпохи Дельфина де Жирарден. Писательница весьма язвительно прошла по поводу замужества герцогини Беррийской. Она писала: «Мы не можем взять в толк, какое влияние может иметь сегодня на легитимистскую партию княгиня Луккези-Палли? По нашему мнению, с тех пор, как госпожа герцогиня Беррийская вышла замуж, ее политическая роль совершенно переменялась. В МАРИИ-КАРОЛИНЕ, вдове французского принца, зарезанного на наших глазах, мы видели французскую изгнанницу, до сих пор покрытую благородной кровью своего супруга, и несчастья ее вызывали в нас самое благоговейное сочувствие; в МАРИИ-КАРОЛИНЕ, супруге господина Луккези-Палли, видим мы всего лишь чужеземную принцессу, счастливую новобрачную, чьей отвагой и героизмом мы по-прежнему восхищаемся, но чья судьба не может нас более занимать»⁹⁶.

Луи-Филипп торжествовал: комплекс земель Вандеи и Бретани, прежде столь активных, остался спокойным. 1835–1848 гг. были отмечены высокими темпами экономического роста и процветания. На Западе идея гражданской войны была сильно поколеблена строительством дорог, о чем говорил еще Наполеон. Создание паровозных компаний, различных экономических, в том числе сельскохозяйственных, обществ способствовало росту благосостояния региона.

Король Луи-Филипп, сам прошедший революцию и помнивший все ее крайности, не намеревался проявлять жестокость по отношению к своим противникам. Помимо этого, король был вынужден учитывать, что его режим встречал глубокое сопротивление в династическом лагере. Поэтому он продолжил выплату пенсий всем, кто не был замешан в этом восстании. Легитимисты заняли административные посты.

После 1833 г. у короля было даже намерение посетить Вандею, однако в итоге он довольствовался тем, что отправил туда своих сыновей, герцогов Омальского и Жуанвильского, потом герцога и герцогиню Немурскую, а затем снова Жуанвиля. Народ особого энтузиазма не проявлял, хотя не было сведений о каких-то недоброжелательных действиях со стороны легитимистов.

Большинство исследователей считают, что идеи легитимистов являлись анахронизмом⁹⁷, хотя французский исследователь Хьюго Шанжи называет легитимистов

⁹⁵ Ibid., p. 1043–1046.

⁹⁶ Жирарден Д. де. Парижские письма виконта де Лоне. М., 2009, с. 59–60.

⁹⁷ См., например: Rémond R. Les droites en France. Paris, 1998; Richard G. Histoire des droites en France. Paris, 2017.

вполне реальной и мощной политической силой. Как бы то ни было, поражение восстания 1832 г. изменило тактику действий легитимистов. Как писал Шанжи, после поражения 1832 г. легитимистская оппозиция отказалась от всякой идеи заговора, чтобы произвести «мягкую» контрреволюцию, эффект от которой мог проявиться только в отдаленной перспективе⁹⁸. Именно после провала заговора герцогини Беррийской легитимисты будут делать ставку на парламентскую оппозицию⁹⁹. Несмотря на то что легитимизм не представлял собой целостного движения и что шансы у роялистов были слабыми вплоть до конца Июльской монархии, как полагает Х. Шанжи, в период между 1833 и 1848 г. легитимисты смогли выработать принципы и методы политического действия, получившие развитие при Второй республике и Второй империи, а в Национальном собрании 1871 г. в условиях действия всеобщего избирательного права легитимисты получили значительное количество мест¹⁰⁰. По мнению С. Риаля, легитимизм являлся одной из важных тенденций политической жизни Франции вплоть до смерти графа Шамбора в 1883 г.¹⁰¹

* * *

Принцесса отправилась в итальянские земли, где в Ферраре встретила Шатобриана. Как он писал в «Замогильных записках», от Палермо до Феррары герцогиню встречали с почетом, несмотря на опережавшие ее ноты посланников Луи-Филиппа. Шатобриан поразил контраст между отношением к герцогине во Франции и в Италии: «Во Франции правительство осыпает оскорблениями женщину, которую оно боится; в Италии помнят лишь об имени, отваге и несчастьях госпожи Беррийской». За время пленения и рождения ребенка принцесса, по его словам, «не слишком изменилась, хотя и похудела; в ней было что-то от резвой девчонки». В целом же, по словам Шатобриана, «принцесса вела себя донельзя чудакливо; одета она была в сероватое полотняное платье, затянутое в талии, на голове носила нечто вроде вдовьего чепца, либо детского чепчика, либо колпака наказанной пансионерки»¹⁰². Но и герцогиню, и его самого повсюду встречали восторженные толпы поклонников.

Потом герцогиня удалилась в Богемию. Однако в обществе продолжали циркулировать слухи, будто она вновь готова возглавить восстание. Якобы ее видели в марте 1834 г. недалеко от Нанта, а в мае 1836-го — в окрестностях Орлеана. Сообщали, что в июне того же года должно вспыхнуть новое восстание. В ноябре 1840 г. снова появились слухи, будто она скрывалась в Шамбоне, на территории Внутренней Луары; в 1844 г. ее ожидали в Вандее. В 1847 г. утверждали, будто она там окажется следующей весной. Но все это были слухи...

После крушения режима Луи-Филиппа в 1848 г. Вандея успокоилась. Несмотря на то что на территории бывшей Шуанерии еще сохранялось несколько очагов напряженности, они не имели политического характера. Это были акты разбойничества, убийств и бандитизма.

Герцогиня Мария-Каролина Беррийская вела тихую, спокойную жизнь и ушла из нее 16 апреля 1870 г. в Брюнзе, недалеко от Граца, в Штирии. Но уже при жизни она начала превращаться в легенду. А Вандея остается мифом до сих пор.

⁹⁸ *Changy H. de. Le Mouvement légitimiste en France sous la Monarchie de Juillet (1833–1848). Paris, 2005, p. 335.*

⁹⁹ *Rials S. Op. cit., p. 11.*

¹⁰⁰ *Changy H. de. Le Mouvement légitimiste en France sous la Monarchie de Juillet (1833–1848), p. 8–9.*

¹⁰¹ *Rials S. Op. cit., p. 5.*

¹⁰² *Шатобриан Ф.-Р. де. Указ. соч., с. 546–547.*

Библиография

- Жирарден Д. де.* Парижские письма виконта де Лоне. М., 2009.
- Зелдин Т.* Франция, 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004.
- Летчфорд С. Е.* «Вандея» — судьба одного понятия. — Новая и новейшая история, Саратов, 2000, № 19, с. 37–43.
- Летчфорд С. Е.* Вандея в 1815 году. — Французский ежегодник. 2003. М., 2003, с. 151–164.
- Мяжкова Е. М.* «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на Западе Франции XVII–XVIII вв. М., 2005.
- Таньшина Н. П.* Секретный вояж в Россию племянника дюка Ришельё. — Родина, 2019, № 4, с. 106–109.
- Шатобриан Ф.-Р. де.* Замогильные записки. М., 1995.
- Bertier F. de.* Souvenirs inédits d'un conspirateur royaliste sous la Revolution, l'Empire et la premiere Restauration 1799–1815. Paris, 1990.
- Boigne A.* Mémoires de la comtesse de Boigne, t. 2. Paris, 2005.
- Brégeon J.-J.* La Duchesse de Berry. Paris, 2009.
- Brégeon J.-J., Guicheteau G.* Nouvelle histoire des guerres de Vendée. Paris, 2017.
- Buisson P.* La grande histoire des guerres de Vendée. Paris, 2017.
- Changy H. de.* Le Mouvement légitimiste en France sous la Monarchie de Juillet (1833–1848). Paris, 2005.
- Changy H. de.* Le Soulèvement de la duchesse de Berry, 1832. Paris, 1986.
- Chateaubriand F.-R. de.* Mémoire sur la captivité de la duchesse de Berry. Paris, 2009.
- Desforges M.* Les guerres de Vendée. Paris, 1999.
- Deutz S.* Arrestation de Madam. Paris, 1835.
- Dumas A.* Mes Memoires 1830–1833. Paris, 1989.
- Dupland E.* Marie-Caroline duchesse de Berry. Paris, 1996.
- Gabory E.* Histoire des guerres de Vendée. 1793–1832. Paris, 2015.
- Gabory E.* Les guerres de Vendée. Paris, 1989.
- Hillierin L.* La Duchesse de Berry. L'oiseau rebelle des Bourbons. Paris, 2010.
- La conspiration des légitimistes et de la duchesse de Berry contre Louis-Philippe. 1830–1832 (Correspondances et documents inédits). — Études d'histoire moderne et contemporaine / publiées par la Société d'histoire moderne, t. 3. Paris, 1950.
- La Duchesse de Berry et les monarchies européennes. Paris, 1913.
- La Guerre de Vendée. Itineraire de la Vendée militaire. Paris, 1989.
- Lucas-Dubretton J.* La Princesse captive. La Duchesse de Berry. 1832–1838, 2 ed. Paris, 1925.
- Madame la Duchesse de Berry. Paris, 1832.
- Martin J.-C.* La Vendée et la Révolution. Paris, 2007.
- Martin J.-C.* Une guerre interminable. La Vendée deux cents ans après. Paris, 1985.
- Mémoires de Madame la duchesse de Gontaut. Paris, 1909.
- Poisson G.* Le comte de Chambord. Henri V. Paris, 2009.
- Poisson Ph.* La guerre de Vendée: L'amnésie de l'histoire de France. Paris, 2016.
- Rémond R.* Les droites en France. Paris, 1998.
- Rials S.* Le Légitimisme. Paris, 1983.
- Richard G.* Histoire des droites en France. Paris, 2017.
- Rochehouart L. V. L. de.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1892.
- Rouchette T.* La Folle Equipée de la Duchesse de Berry. Paris, 2004.
- Secher R.* Le Génocide franco-français: la Vendée — Vengé. Pref. de J. Meyer. Paris, 1986.
- Secher R.* Vendée: du génocide au mémoricide. Paris, 2011.
- Vandée dans l'Histoire. Actes du Colloque. Paris, 1994.

References

- Bertier F. de.* Souvenirs inédits d'un conspirateur royaliste sous la Revolution, l'Empire et la premiere Restauration 1799–1815. Paris, 1990.
- Boigne A.* Mémoires de la comtesse de Boigne, t. 2. Paris, 2005.
- Brégeon J.-J.* La Duchesse de Berry. Paris, 2009.

- Brégeon J.-J., Guicheteau G.* Nouvelle histoire des guerres de Vendée. Paris, 2017.
- Buisson P.* La grande histoire des guerres de Vendée. Paris, 2017.
- Changy H. de.* Le Mouvement légitimiste en France sous la Monarchie de Juillet (1833–1848). Paris, 2005.
- Changy H. de.* Le Soulèvement de la duchesse de Berry, 1832. Paris, 1986.
- Chateaubriand F.-R. de.* Sepulchral notes. Moscow, 1995. (In Russ.)
- Chateaubriand F.-R. de.* Mémoire sur la captivité de la duchesse de Berry. Paris, 2009.
- Desforges M.* Les guerres de Vendée. Paris, 1999.
- Deutz S.* Arrestation de Madam. Paris, 1835.
- Dumas A.* Mes Memoires 1830–1833. Paris, 1989.
- Dupland E.* Marie-Caroline duchesse de Berry. Paris, 1996.
- Gabory E.* Histoire des guerres de Vendée. 1793–1832. Paris, 2015.
- Gabory E.* Les guerres de Vendée. Paris, 1989.
- Girardin D. de.* The letters of the Vicomte de Launay in Paris. Moscow, 2009. (In Russ.)
- Hillier L.* La Duchesse de Berry. L'oiseau rebelle des Bourbons. Paris, 2010.
- La conspiration des légitimistes et de la duchesse de Berry contre Louis-Philippe. 1830–1832 (Correspondances et documents inédits). – Études d'histoire moderne et contemporaine / publiées par la Société d'histoire moderne, t. 3. Paris, 1950.
- La Duchesse de Berry et les monarchies européennes. Paris, 1913.
- La Guerre de Vendée. Itinéraire de la Vendée militaire. Paris, 1989.
- Letchford S. E.* «Vendee» – the fate of one concept. – Modern and carient history, Saratov, 2000, № 19, p. 37–43. (In Russ.)
- Letchford S. E.* Vendee in 1815. – French Yearbook. 2003. Moscow, 2003, p. 151–164. (In Russ.)
- Lucas-Dubreton J.* La Princesse captive. La Duchesse de Berry. 1832–1838, 2 ed. Paris, 1925.
- Madame la Duchesse de Berry. Paris, 1832.
- Martin J.-C.* La Vendée et la Révolution. Paris, 2007.
- Martin J.-C.* Une guerre interminable. La Vendée deux cents ans après. Paris, 1985.
- Mémoires de Madame la duchesse de Gontaut. Paris, 1909.
- Myagkova E. M.* «Inexplicable Vendee»: rural world in the West of France XVII–XVIII centuries. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Poisson G.* Le comte de Chambord. Henri V. Paris, 2009.
- Poisson Ph.* La guerre de Vendée: L'amnésie de l'histoire de France. Paris, 2016.
- Rémond R.* Les droites en France. Paris, 1998.
- Rials S.* Le Légitimisme. Paris, 1983.
- Richard G.* Histoire des droites en France. Paris, 2017.
- Rochechouart L. V. L. de.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1892.
- Rouchette T.* La Folle Equipée de la Duchesse de Berry. Paris, 2004.
- Secher R.* Le Génocide franco-français: la Vendée – Vengé. Pref. de J. Meyer. Paris, 1986.
- Secher R.* Vendée: du génocide au mémoricide. Paris, 2011.
- Tanishia N. P.* Secret trip to Russia, nephew of the Duke of Richelieu. – Homeland, 2019, № 4, p. 106–109. (In Russ.)
- Vandée dans l'Histoire. Actes du Colloque. Paris, 1994.
- Zeldin T.* France, 1848–1945. Ambition, love and politics. Ekaterinburg, 2004. (In Russ.)